

СОВЕТСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ И СИБИРЬ В 1920-е -НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ

Н. А. Грик

(Томский государственный университет)

Переход к новой экономической политике был тяжелым и мучительным, особенно для Сибири. Дело в том, что регион был аграрным, но именно сельское хозяйство, по мысли большевиков, должно было помочь начать восстановление промышленности. Утверждение нэпа в Сибири растянулось фактически на 1921-1923 гг. По данным ЦСУ, посевные площади Сибири сократились в 1922 г. на 29%. Ухудшились и качественные показатели сибирского сельского хозяйства¹. Одной из основных причин кризиса являлась продовольственная политика советской власти, которая, хотя и снизила продналог по сравнению с продразверсткой, продолжала по-прежнему действовать по-наркомпродовски, т.е. зачастую насильно изымая излишки. Об этом свидетельствовали и сводки ОГПУ².

Лишь начиная с 1923 г., в условиях восстановления товарно-денежных отношений начинается рост сибирского сельского хозяйства. Правда необходимо отметить, что период либерализации рыночных отношений был недолгим и не всегда последовательным. Советское государство сохранило почти в неприкосновенности национализацию промышленности, которая, объединенная в тресты, стала полным монополистом. Поэтому уже осенью 1923 г. сложились так называемые «ножницы цен», когда цены на промышленную продукцию превышали цены на сельскохозяйственную продукцию на 300-400%. Политбюро ЦК РКП(б) в этих условиях пошло на административное ограничение промышленных цен, упорядочение аппарата государственных хлебозаготовителей и увеличение экспорта сельскохозяйственной продукции. В результате цены на промышленные товары снизились в целом на 24%³. С этого времени партийное руководство уверовало в непогрешимость политики низких цен и в огромные возможности администрирования. Что до «ножниц цен», то они остались неизменным спутником 1920-1930-х гг. За их счет шла перекачка средств из сельского хозяйства в пользу индустрии.

В самой промышленности также существовал искусственный перекос. Доля легкой промышленности в отчислениях от прибыли в бюджет составила в 1924/25 г. 97% к общей их сумме и в этом же году тяжелая промышленность за счет государственного бюджета получила свыше 97% всех капитальных вложений⁴. Если же учесть, что в Сибири в 20-е гг. преобладала легкая и пищевая промышленность, то становится очевидным – восстановление во многом шло за счет региона. Ситуация усугублялась еще и тем, что распределение бюджетных средств между

группами «А» и «Б», планируемое ВСНХ в 1926/27 г., составляло 88,6% и 11,4% соответственно, в 1927/28 г. - 91,2 и 8,8%, в 1928/29 г. - 93,4 и 6,6%⁵. Сибирь поставляла золото, животное масло, которое составляло 2/3 товарной и 4/5 экспортной продукции. При этом валютные поступления оседали в центре. Можно без преувеличения сказать, что советский режим эксплуатировал Сибирь значительно интенсивнее, чем до революции. Столь неэквивалентные отношения Центра и Сибири заметно сдерживали экономическое развитие региона.

Ситуация была настолько вопиющей, что на январском (1925 г.) пленуме ЦК РКП(б) один из руководителей Сибирского края М.М. Лашевич вынужден был обратить внимание партийных вождей страны на то, что край, поставляя на экспорт пушнину, золото, хлеб, масло, ничего не получал за это, что его бюджет составлял всего 32 млн. руб., справедливо заявив: «Но все от мужика. Мы все у него берем и почти ничего не даем». Ему вторил представитель Урала Сулимов, который указывал, что Урал и Сибирь по получению средств из госбюджета находятся «в загоне»⁶.

Известно, что промышленность пользовалась у новых властей особой поддержкой. Однако и в условиях нэпа государственная индустрия, наращивая объемы производства, никак не могла сравниться с довоенным периодом по качественным показателям. Так, в середине 1928 г. явное неблагополучие проявлялось в области снижения себестоимости. Вместо запланированного снижения, она, наоборот, на многих сибирских предприятиях, как и по РСФСР, росла. Снижалась выработка на одного рабочего в день по союзной промышленности на 9,8%, по краевой – на 2,7% и окружной – на 5,6% по сравнению с прошлым годом. Однако зарплата возросла на 1,8%. Кроме этого, наличие рабочей силы превышало число, установленное планом по союзной промышленности на 5,2%, по окружной – на 4,2%. Сохранялся высокий процент прогулов⁷. Вообще, начиная с 1925/26 г., государственная промышленность страны перестала справляться с плановыми заданиями по росту производительности труда и снижению себестоимости. Наибольшее вздорожание стоимости производства происходило по статьям «зарплата» и «начисление на зарплату». Это было вызвано набором излишней рабочей силы и ростом зарплаты против намеченного планом повышения производительности труда.

В целом опыт 20-х гг. свидетельствовал, что госпромышленность так и не смогла добиться уровня довоенной промышленности по качественным показателям. В середине 20-х гг. И.В. Сталин и В.В. Куйбышев в обращении по поводу начала кампании экономии признавали, что «... мы до сих пор не сумели свести непроизводительные затраты, накладные расходы даже до довоенного уровня... Нередки случаи содержания

ничем не оправдываемого громоздкого штата... Нерентабельность нашего экспорта в значительной степени объясняется высокими накладными расходами на себестоимость». Справиться с этими проблемами, по их мнению, можно было с помощью кампаний усиления строгой ответственности, суровой и решительной борьбы с растратами, жесткого сокращения штатов и, конечно же, с помощью контрольно-проверочной работы ЦКК - РКК с привлечением широчайших рабоче-крестьянских масс⁸. Безусловно, эпитеты «строгий, суровый, решительный» могли какое-то время воздействовать на людей, но рассчитывать с их помощью решить проблемы повышения эффективности производства было чрезмерным упрощением. Поэтому и накануне начала первой пятилетки в докладе ВСНХ с сожалением отмечалось, что, за исключением немногих отраслей (нефтяная, общее и сельскохозяйственное машиностроение, электропромышленность), проблема удешевления издержек не разрешена и на очереди дня продолжают стоять задачи, много раз ставившиеся перед промышленностью и профессиональными организациями, поднятия производительности труда и снижения себестоимости продукции⁹. Другими словами, ожидаемого радикального изменения качества работы не просматривалось.

Одной из основных причин такого состояния дел было то, что в промышленности денежный оборот перестал покрывать оборот хозяйственный, оторванный от стоимостной основы. В результате за годы восстановления сложился плановый круг воспроизводства, который слабо воспринимал потребности внутреннего рынка. И хотя в этот «круг» направлялись мощные потоки бюджетных средств, преобладающая их часть шла на финансирование средств производства, эффективность их использования не только не росла, но в ряде случаев снижалась. Так, темпы нового строительства в промышленности уже в период восстановления превышали в 1,5-2 раза темпы роста нового строительства во всем народном хозяйстве. Однако слабая база стройиндустрии приводила зачастую к росту дополнительных затрат. Стоимость строительства намного превышала сметы, заложенные в планы. Кроме того, на протяжении всех 1920-х - начала 1930-х гг. осуществлялась достаточно спорная схема действий в экономике, взятая на вооружение еще составителями плана ГОЭЛРО, - сосредоточение максимума средств на единственном направлении, чтобы на этой основе перескочить на новый уровень развития всего народного хозяйства. Такой подход, по крайней мере в СССР, приводил к омертвлению капитала, к росту незавершенного строительства, заметному снижению рентабельности и прибыльности новых объектов и т.д.

Не изменилась принципиально ситуация и в годы первой пятилетки. Окончательное разрушение рынка, попытка грубо игнорировать за-

коны функционирования товарно-денежных отношений, усиление администрирования способствовали постоянному срыву планировавшихся качественных показателей. Так, по данным Госплана, в 1931 г. «качественная сторона работы промышленности была хуже прошлого года. Себестоимость вместо 8,5% снижения, наоборот, выросла против прошлого года на 5,9%. В области качества готовых изделий 1931 г. отличался повсеместным ухудшением по сравнению с предыдущим годом. Остро встал проблема качества машиностроения. На отдельных заводах брак достигал 20%. По станкостроению только за 1 квартал брак по вине рабочих составил 39,8%, а за счет низкого качества материалов - 29,8%. Производительность труда находилась на крайне низком уровне выполнения пятилетки. Аналогичное положение наблюдалось и в других отраслях народного хозяйства»¹⁰.

Важно подчеркнуть, что ожидаемый экономический эффект от запланированного повышения производительности труда и снижения себестоимости в промышленности закладывался в доходы госбюджета. Поэтому невыполнение этих показателей оказывало дополнительное давление на государственный бюджет, который, кстати, становился основным источником финансирования промышленности. Например, его доля в 1926/27 г. составила 52,8%, в 1927/28 г - 54,1%¹¹. В свою очередь, растущая роль бюджета во многом покоилась на чрезмерном оголении регионов.

В силу отмеченного состояния дел в государственной промышленности становится понятным, почему по среднестатистическим данным Наркомторга в 20-е гг. она проигрывала конкурентную борьбу частной промышленности. Производительность труда на частных предприятиях была выше на 20-25%, а фактический заработок рабочих частных предприятий превышал заработок рабочих государственной промышленности на 10%, процент отчислений, устанавливаемых коллективными договорами, в частной промышленности был значительно выше, нежели в государственных¹². Еще убедительнее выглядела частная промышленность Сибири, где производительность труда по сравнению с государственной промышленностью была выше в 1,7 раза. Заработная плата в среднем была на 22,6% выше государственной (в кожевенно-меховой, металлообрабатывающей эта разница доходила до 42%). По наблюдениям самих партийных деятелей (Г. Ломов) рабочие частных предприятий в большинстве были уверены, что государственная промышленность была бы побита капиталистами, если бы последним «дали волю».

Профсоюзный работник 20-х гг. В.А. Буянов отмечал, что многие предприниматели не жалели для рабочих «хорошее словечко, стакан чаю, рубль на водку по случаю семейного праздника, аванс». В ответ

«несознательные рабочие» видели в хозяине «отца родного»¹³. Однако зачастую рабочие частных предприятий скрывали болезни, боясь потерять место, сверхурочные. В целом же деятельность частных предприятий в сфере промышленности оставалась весьма ограниченной. Однако большевики в 1927 г. усилили нажим на частные предприятия, что привело к закрытию многих из них и уже в 1928 г. создало сложную ситуацию на рынках Сибири в торговле кожевенными товарами и обуви (например, в 1926/27 г. частные кожевенники занимали 40% в снабжении населения Сибири). Все это больно ударило по потребителям.

Значительную роль в советской экономической политике играла налоговая система. XI съезд партии указывал, что налоговая политика является главным орудием революционной политики пролетариата в переходную эпоху¹⁴. Советское государство из года в год усиливало дифференциацию налоговых платежей, повышало прогрессию ставок налога и расширяло льготы бедноте и колхозам. Увеличивались налоги и с остального населения. Так, с сентября 1927 г. по сентябрь 1928 г. промышленный налог вырос на 175,2%, подоходный - на 149,5%, налог на сверхприбыль - на 386,7%¹⁵. Если национальный доход на душу с 1924/25 г. по 1927/28 г. возрос в 1,45 раз, то налоги - в 1,9 раз. К этому стоит добавить, что подушная норма национального дохода в 1927/28 г. в СССР составила 97,9% от 1913/14 г., т.е. не достигла даже довоенного уровня, в то время как США, Франция, Германия и Англия уже перевалили довоенный уровень¹⁶.

Характерной чертой советской налоговой системы оставалась ее нестабильность. Особенно этим качеством отличался единый сельскохозяйственный налог, который пересматривался едва ли не ежегодно. При этом он постоянно ужесточался по отношению к наиболее производительным хозяйствам. Так, новый закон о сельхозналоге на 1928/29 г. существенно ухудшил положение больших семей, поскольку его ставка перестала учитывать число едоков, а в основном исходила из общего дохода всего хозяйства. В Сибири в это время крестьянских хозяйств с количеством едоков свыше 6 человек среди маломощных было 6,9%, средняцких - 36,4%, мощных - 75,5%. По ставкам на едока зажиточные хозяйства Сибири (13% от общего числа) в 1927/28 г. заплатили 48,6% всего налога, а по ставкам на хозяйство - 53,9%. Новый закон, кроме этого, вводил надбавку для зажиточных до 25% к доходу от сельского хозяйства и индивидуальное обложение¹⁷. Налоговый пресс продолжал расти и в начале 30-х гг., что отражает таблица 1¹⁸.

Таблица 1. Налоговые платежи населения СССР (млн. руб.)

Налоги	1931 г.	1934 г.
Всего по селу	702,6	1904,0

Продолжение табл. 1

	1931 г.	1934 г.
В том числе сельхозналог с колхозов	76,9	2473,0
Сельхозналог с колхозников и единоличников	381,0	563,9
Культсбор с колхозников и единоличников	244,7	761,8
Единовр. налог с единоличных хозяйств	-	331,0
Всего по городу	588,9	1535,0
В том числе: налог подоходный	328,9	773,2
Культсбор	260,0	761,8

Как показывают данные таблицы, налоговые платежи по селу за три года выросли в 2,7 раза, а по городу - в 2,6 раза. И это притом, что к концу 20-х гг. налоговое бремя подошло к опасной черте, за которой мог наступить коллапс хаоса и разрушения жизненных процессов человека.

О пределах в налогообложении косвенно свидетельствовали и проблемы с мобилизацией денежных сбережений населения. Конечно, здесь имело место и недоверие населения к советской денежной системе и организации сберегательного дела. Однако провал этой мобилизации, который был налицо к середине 1929 г., не оставляет сомнений в бедности основной части населения страны. Среднедушевой вклад составлял 1/7 довоенного, при этом по городу - 1/5, а по деревне - 1/33. Не получило развития и вовлечение денежных средств населения через кооперативный оборот. Паевые капиталы всех видов кооперации играли в обороте и в общей сумме финансовых ресурсов кооперативной системы ничтожную роль. Государственные структуры, сосредоточив все в своих руках, лишали инициативы, предприимчивости кооперативные товарищества. Поэтому на 1 октября 1926 г. общая сумма привлеченных вкладов равнялась лишь 7,6 млн. руб.¹⁹ Главную причину такого состояния партийное руководство страны усматривало очень узко - в проникновении в товарищества кулачества.

Аналогичная картина наблюдалась и в Сибири. По краю в середине 1927 г. вложенные в систему сельскохозяйственного кредита средства составляли 14650700 руб. В то же время крестьянские вклады не превышали 700 тыс. руб. Если же принять во внимание, что в Сибири было 1450000 хозяйств, то на каждое хозяйство приходилось 48 коп. До войны крестьянство Сибири имело в кредитных учреждениях около 6 млн. руб.²⁰ В Сибири так же, как и в целом по стране, рьяно боролись за то, чтобы большинство кредитов доставалось бедноте, а не зажиточным хозяйствам. Безусловно, такая политика тормозила развитие производительных сил сибирского аграрного сектора.

Мощное влияние на состояние сельскохозяйственного производства в стране и в Сибири оказывала и ценовая политика советского государства. После гражданской войны сложился существенный диспаритет

цен на промышленные и сельскохозяйственные цены в пользу первых. Большевистское руководство страны, не заинтересованное в радикальном преодолении этого диспаритета, попыталось поставить пределы роста цен на сельскохозяйственные продукты. Уже весной 1924 г. государственным и кооперативным заготовителям Москвой были установлены максимально предельные уровни закупочных цен (лимиты). Однако в условиях успешного проведения денежной реформы, укрепления рыночных отношений и коммерческой целесообразности в 1924-1925 гг. навязываемые сверху лимиты не соблюдались и закупочные цены на сельхозпродукты формировались преимущественно в зависимости от предложения и спроса (особенно на масло, мясо).

В это время и в правящей партии еще сохранялось понимание необходимости более гибкого подхода к ценообразованию. Так, на октябрьском (1924 г.) пленуме ЦК РКП(б) один из руководителей Сибирского края С.В. Косиор ярко и точно раскрыл механизм лимитной политики: «Мы в Сибири не проводили никаких лимитов, Москва проводила, Комвнупторг. Вначале получили от Сталина шифровку, где было написано: исполнять и не рассуждать. Мы так и сделали. Мы были дураками, надо брать ответственность и делать так, как считали лучше, но мы не считали возможным этого проделать, так как всерьез принимали телеграмму Сталина. Та политика полной централизации, которая до сих пор проводилась, эта политика явилась главной причиной неудачи. Когда мужику даешь 33 коп., а на рынке за пуд дают 1 руб., он спрашивает, почему такая разница и он воспринимает, что есть приказ. Частный капитал в этой неразберихе быстро оборачивается». Однако в целом большевики оставались приверженцами административного вмешательства в ценообразование. На этом же пленуме даже грамотный и прагматичный Л.Б. Красин выступил в защиту лимитов и применения административных мер²¹. И это происходило в 1924 г., когда многие большевики вроде еще считались с товарно-денежными отношениями.

Поэтому не случайно, что в 1926-1927 гг. государство продолжило политику низких цен. Параллельно шел процесс монополизации государством хлебного рынка, который к осени 1927 г. фактически был завершен.

Особую роль в этом сыграл февральский пленум ЦК ВКП(б) 1927 г., специально рассматривавший ценовую политику. Главный докладчик на пленуме, А.И. Микоян, выразил абсолютную уверенность в том, что установление цен на основе государственного регулирования - верный путь формирования меновых пропорций между отдельными продуктами, которые определяются партией и осуществляются благодаря активности коммунистов²². Судя по решениям этого пленума, можно констатировать - в партийном руководстве побеждала политика простых и бы-

стрых решений, которые разрушали естественную хозяйственную жизнь, приводили к серьезным кризисам. Апогей такой политики сталинское руководство начало демонстрировать с начала 1928 г. Ее итогом стало сокращение сельскохозяйственного производства в 1932-1933 гг. по сравнению с 1928 г.

В середине 20-х гг. многие экономисты предупреждали об опасности абсолютизации низких цен. Особенно подчеркивались отрицательные последствия утраты ценой возможности регулировать спрос и предложение на рынке, вследствие исключения прибыли из цены²³. Однако руководство страны игнорировало не только выводы ученых, специалистов, но и осязаемое расстройство всего народного хозяйства. Следствием политики низких цен явились обострение товарного голода и стремительный рост спекуляции в торговле. Рост последней советские власти объясняли сугубо происками частных торговцев.

Большевики на протяжении 20-х гг. всячески вытесняли частный капитал из торговли, не считаясь с экономическими потерями. Так, введения запрета частных перевозок и одновременно льготы для обобщественного сектора торговли по отправке хлебофуражных грузов, выявило отрицательные явления - порча грузов, излишний пробег вагонов, снижение доходности от перевозок. О масштабе этих явлений говорит хотя бы такой факт, что, только отказав частнику в перевозке грузов по железной дороге с октября 1927 по февраль 1928 г., государство сократило свои доходы по этой статье на 62%²⁴.

Являясь довольно малочисленной социальной группой, частные предприниматели обеспечивали немногим меньше половины всех налоговых поступлений в бюджет²⁵. В этом не было ничего удивительного, поскольку, например, в частном предприятии налоги составляли 31,6% на стоимость хлеба, а в кооперации - 9,1%. У частных аренда помещения составляла 30% всех их накладных расходов, всякие виды обложения - 35%, а в кооперации - 7,6%. По подоходному налогу частное торговое предприятие облагалось прогрессивно в размере до 37% с дохода, в то время как государственные и кооперативные уплачивали твердый процент (10% с прибыли). Кроме того, государственная и кооперативная торговля в отличие от частной не выплачивали квартирного целевого и единовременного налогов. Существенно было обложение последних и за коммунальные услуги.

Однако в середине 20-х гг. частная торговля выигрывала конкурентную борьбу у кооперативной и государственной торговли. Начиная с 1927 г., усиливались административные методы вытеснения частной торговли. Все это приводило к ограничению и сокращению частной торговли. Между тем торговая сеть по сравнению с довоенной уже была в 2 раза меньше. В довоенное время одно торговое предприятие приходи-

лось на 129 человек, а в начале 1925 г. - на 250. К 1925/26 г. торговая сеть Советской России приблизилась к 60% довоенного уровня²⁶, что явилось ее апогеем. Но дальше эта чрезвычайно слабая торговая сеть стала стремительно сокращаться. Только в РСФСР за 1926/27 г. убыло 17,8% всех торговых предприятий²⁷. Этот процесс продолжился и в последующие годы. Особенно от этого страдала Сибирь, поскольку здесь на каждые 10 тыс. сельских жителей приходилось 5,3 торговые точки, а средний розничный товарооборот составлял в 1925/26 г. 45,5 руб., а по РСФСР – 76,7 руб.²⁸

Таким образом, советская экономическая политика даже в условиях нэпа нередко тормозила развитие производительных сил страны и Сибири. Одной из главных причин такого положения дел была едва ли не абсолютная вера большевиков в рациональное преимущество плановых начал перед стихией рынка. По справедливому замечанию Э. Фромма: «в огромном большинстве случаев разрушительные стремления рационализируются таким образом, что по меньшей мере несколько человек – или целая социальная группа – разделяют эту рациональность и она им кажется «реалистичной»²⁹. Существенно влияло на экономическую политику и стремление советского руководства двигаться как можно быстрее, без учета возможностей страны и общества. В свою очередь это объяснялось известным опьянением достигнутой победой в гражданской войне, а также непониманием существенного различия между легкостью разрушения и огромными трудностями созидания.

¹ Бюллетень ЦСУ. 1922. № 72. С. 2.

² Так, в сводках за январь 1922 г. сообщалось, что в Новониколаевском уезде и Ордынском районе продотряды содержат не выполнивших налог крестьян в холодных амбарах и бьют заключенных. Крестьяне открыто заявляли об отказе от дальнейшей уплаты продналога. По всей Новониколаевской губернии приходилось взимать продналог принудительными мерами (Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т.1. 1918-1922 гг. М.: РОССПЭН, 1990. С.554, 555).

³ Вайнштейн А.Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921-1928 гг. М.: Наука, 1972. С.174-175.

⁴ История социалистической экономики СССР. В 7-и тт. М.: Наука, 1976. Т. 2. С. 264, 265, 339.

⁵ Индустриализация СССР. 1928-1932 гг. Документы и материалы. М.: Наука, 1970. С.

⁶ Стенограмма январского пленума ЦК РКП(б) 1925 г. с авторскими правками (РГАСПИ. Ф. 17. ОП. 2. Д. 158. Л. 101, 105, 107, 135).

⁷ На ленинском пути (Новосибирск). 1928. № 5. С. 3.

⁸ Первые шаги индустриализации СССР (1926 - 1927 гг.). М.: Госполитиздат, 1959. С. 265 - 269.

⁹ Из доклада ВСНХ в СТО СССР «Себестоимость промышленной продукции в 1926/27 г. и первом полугодии 1927/28 г.». Не позднее 20 июня 1928 г. (Первые шаги индустриализации. С. 75).

¹⁰ Индустриализация СССР. 1928-1932 гг. С. 275, 307, 324, 326.

¹¹ Там же. С. 74.

¹² ГАРФ. Ф. 5446. ОП. 55. Д. 958. Л. 210.

¹³ Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы: от возрождения к ликвидации. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 113, 115, 116.

¹⁴ КПСС в резолюциях... 8-е изд. Т. 2. М.: Политиздат, 1970. С. 332.

¹⁵ Финансовая статистика // Вестник финансов. 1929. № 11-12. С. 153.

¹⁶ Соловей Г.Г. Государственные бюджеты. Англия, Франция, Германия, Италия, США и СССР. М.-Л., 1928. С. 89.

¹⁷ На ленинском пути. 1928. № 10. С. 4, 5.

¹⁸ Марьяхин Г. Налоговая система советского государства // Финансы СССР за XXX лет. М., 1947. С. 279.

¹⁹ Фридман С. Итоги и перспективы мобилизации народных сбережений // Вестник финансов. 1929. № 4. С. 83; История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 120.

²⁰ На ленинском посту. 1927. № 1. С. 42, 43.

²¹ Стенограмма октябрьского пленума ЦК РКП(б) 1924 г. с авторскими правками (РГАСПИ. Ф. 17. ОП. 2. Д. 146. Л. 100, 102, 103).

²² Пленум ЦК ВКП(б). 7-12 февраля 1927 г. Стенографический отчет. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 276. Вып. II. С. 3, 13).

²³ Новожилов В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. № 2. С. 76, 86.

²⁴ ГАРФ. Ф. 5674. ОП. 6 Д. 406. Л. 8.

²⁵ Гензель П.П. Прямые налоги: очерк теории и практики. Л., 1927. С. 106.

²⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 2. Д. 274. Л. 12.

²⁷ Товбин П. Проблема торгового аппарата // Экономическое обозрение. 1929. № 1. С. 65.

²⁸ Демчик. Е.В. Указ. соч. С. 106.

²⁹ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995. С. 154.